

УДК 394(571.1/.5) + 124.5 + 316.723

Е. В. Головнева

КТО ТАКИЕ СИБИРЯКИ? КОНСТРУКТИВИСТСКОЕ ПРОЧТЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ СИБИРСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ*

В статье рассматриваются ценности сибирской идентичности как социально конструируемый феномен, выявляется смысл концепта «сибирскость». Систематизируя дискурсы вокруг сибирской идентичности, отраженные в социологических опросах жителей Сибири и научных исследованиях, автор анализирует ценности в ее структуре, связанные с природно-ландшафтным, топонимическим, переселенческим, этнокультурным, историческим нарративами. Выделенные ценности рассматриваются в качестве основания функционирования сибирской региональной идентичности на современном этапе.

Ключевые слова: ценности, сибирская идентичность, сибиряки, территория, Сибирь, нарратив, конструктивизм.

В данной работе на основе методологии конструктивизма [2, 3, 8, 14] предлагается рассмотреть относительно малоизученный в отечественном гуманитарном знании вопрос о ценностях сибирской региональной идентичности. Представляется, что именно система ценностей лежит в основе формирования идентичности сообщества, определяющего себя как особый региональный социокультурный тип.

Понятие «ценность» в философских исследованиях обычно трактуется как категория, объединяющая бытие (объективная сторона) и отношение к бытию (субъективная сторона). Дополнительными аспектами понимания «ценностей» в рамках сообществ является признание того, что существует ряд специфических черт, присущих тому или иному культурно-историческому типу общества; социально-культурные ценности содержат «смыслы-знания», выступающие регулятором общества; ценности представляют собой формы духовной связи поколений; ценностное отношение является актом сознания и познания.

Применительно к анализу региональной идентичности необходимо отметить, что ценностные ориентации в ее структуре не только служат основанием деятельности региональных субъектов, но и создают набор социальных классификаций, потенциальных возможностей для их самоидентификации и формируют осознание принадлежности людей к своему региону. В рамках конструктивистского подхода особое внимание должно быть обращено к вариативным контекстам выстраивания этого осознания, что позволяет представить осознание региональной принадлежности как динамичный и структурированный процесс, где возникает множество образов региональной идентичности.

Для понимания ценностей региональной идентичности как социально конструируемого феномена оказывается также важным обращение к концепциям, учитывающим процесс самоидентификации с точки зрения присутствия

* Статья написана при поддержке гранта РГНФ, проект 16-33-01038.

«Другого» (идеи Ж. П. Сартра, М. Бубера, Э. Левинаса), восприятия его роли и взаимной рефлексивности ожиданий определенного поведения (идеи Дж. Мида, Ч. Кули). Без «Другого» невозможно никакое чувство солидарности, сопричастности или, напротив, отличия. Согласно этому подходу развитие регионального самосознания личности происходит во многом вместе с переживаниями, связанными с мыслями о других регионах, их климате, ландшафте, людях. Формирование ценностей региональной идентичности происходит в разных ситуациях и контекстах и может меняться во времени. Соответственно, анализируя контексты актуализации сибирской идентичности, представляется возможным обозначить некоторую траекторию формирования различных вариаций сибирской идентичности в зависимости от способов взаимодействия со значимым «Другим».

Еще один важный аспект конструирования региональной идентичности, важный для понимания ее ценностной размерности, — создание нарративов, которые становятся для жителей региона их действительной историей (идеи П. Рикера, Р. Барта, Ж. Лиотара, Р. Рорти). Осознание региональной принадлежности невозможно без знания названия и границ собственной территории. «Нарративная идентичность» (П. Рикер) выступает формой идентичности, к которой человек способен прийти посредством повествовательной деятельности. При этом нарратив не обязательно состоит только из реальных фактов, он может содержать вымышленные события. Однако и в таком качестве он выполняет свою конституирующую роль, являясь основой региональной самоидентификации. Как отмечают новосибирские социологи А. А. Анисимова и О. Г. Ечевская, «из “кирпичиков” уже существующих смыслов и цитат мы производим нарратив своей идентичности, уникальный смысл которого в то же время сильно завязан на актуальном контексте» [1, 12]. Присутствие в нарративе различных смысловых образов региона, относящихся к одной и той же региональной идентичности, может затруднять общую рефлексию над ней, но с точки зрения конструктивистского подхода не приводит к размыванию/исчезновению региональной идентичности, а способствует выявлению ее многоплановости и разносторонности.

Учитывая сказанное, важно разобраться, какие контексты сегодня способствуют формированию ценностей региональной группы сибиряков в российском социокультурном пространстве, как и с помощью каких языковых средств конструируется сибирская региональная идентичность, кто проводит региональные разделения и классификации. В качестве основы для анализа будут использованы дискурсы вокруг сибирской идентичности, сформированные на обыденном уровне, нашедшие отражение в интернет-форумах и социологических опросах, а также в работах экспертов, рефлексирующих над сибирской идентичностью в академическом, публицистическом, медийном полях.

В первую очередь разными исследователями в качестве главной ценностной категории сибирской идентичности отмечается принадлежность к сибирской территории как к родной земле [1, 25; 11, 94]. Территория (место) и идентичность диалектически взаимосвязаны друг с другом. Территория в значении родной земли понимается как место непосредственного физического окружения человека, где протекает его основная деятельность. Место вообще ассоциируется с корнями

человека и является личным, гуманистическим понятием [4, 114]. Социологические исследования томских ученых Е. Е. Дутчак и В. В. Кашпур показывают, что в качестве семантических понятий и «Россия», и «Сибирь» выступают как «нечто родное, близкое, хорошее», однако у значительной части респондентов эмоциональное содержание понятия «Россия» выражено через «слабость», «хрупкость» и «медленность», в то время как понятие «Сибирь» имеет «более выраженную силовую и активную компоненту эмотивного отношения» [5, 125]. Тема особенной значимости сибирской земли звучит во многих интервью, проведенных новосибирскими социологами А. А. Анисимовой и О. Г. Ечевской. Сибирская земля воспринимается сибиряками не как экономический ресурс, не как кладовая полезных ископаемых, а как самостоятельная ценность. По мнению многих информантов, именно любовь к сибирской земле формирует идентичность сибиряка [1, 12].

Это обстоятельство позволяет предположить, что сибирскую идентичность нельзя назвать «случайным» продуктом многочисленных и соревнующихся дискурсов» [2, 76]. Интервью и опросы экспертов свидетельствуют о том, что в ценностно-рациональном плане принадлежность к сибирской региональной общности совпадает с «малым коммуникативным кругом», где важными оказываются семейные и товарищеские отношения, сложившиеся в локальном пространстве, привыкание к месту жительства, чувство «малой родины».

Тот факт, что опрошенные исследователями 5–6 % респондентов не чувствуют своей принадлежности к сибирякам и не выделяют сибиряков в особую локально-географическую группу, позволяет вести речь о специфике ценностных ориентаций и соответственно направленности развития различных субъектов региональной идентичности. Для молодого поколения людей, живущих в Сибири, их региональная идентичность в условиях мобильности, транзитивности, роста значимости внетерриториальных связей может быть не артикулирована и подменяться другими типами идентичности. Кроме того, сибирская идентичность, осознание себя сибиряками, по-разному будут представлены на уровне городской и сельской коммуникации.

Тем не менее выражение «я сибиряк», характерное для тех жителей Сибири, кто явственно ощущает свою принадлежность к сибирской территории, оказывается лишь минимальным теоретическим конструктом, требующим дальнейшего развертывания, содержательного обогащения и обнаружения его ценностно-смысловой структуры. «Сибирскость» как ценность обнаруживает, проявляет себя, будучи сконструированной на основе разных контекстов. В интервью подача информации в высказываниях жителей о своей региональной принадлежности осуществляется от крупного плана, включающего общее суждение, к детализации этого суждения, раскрывающей суть определения «настоящий сибиряк». Так, по мнению А. А. Анисимовой и О. Г. Ечевской, «нельзя сказать, что сибирская идентичность является исключительно территориальной: ее содержательное наполнение особенности определяют различными факторами, как связанными с территорией, так и условно “автономными” от территориального измерения идентичности» [1, 26]. К предпосылкам макроуровня, лежащим в основе сибирской региональной идентичности, авторы относят природу и климат,

географическое положение и удаленность от центра России, экономическое положение, инфраструктуру, место и роль Сибири в экономике России. К предпосылкам микроуровня, с их точки зрения, относятся история семьи, этническое происхождение, символический статус места рождения и проживания, личная мобильность индивида [1, 26].

Омский исследователь М. А. Жигунова [6], учитывая данные исторических, этнографических и лингвистических источников, выделяет пять основных подходов к определению дефиниции «сибиряк»:

1) *топонимический*: «Сибиряки — это все люди, живущие на территории Сибири» (без этнической окраски);

2) *историко-хронологический*: «Сибиряки — это коренные, местные жители Сибири (аборигены), живущие здесь издавна», «Сибиряки — это люди, родившиеся и долго живущие в Сибири, но не те, которых насильственно заставляли в Сибирь ехать»;

3) *психологический*: «Сибиряки — это особый тип людей, обладающих сибирским характером: крепкие, сильные, здоровые, крупного телосложения, трудолюбивые, гостеприимные, свободолюбивые, демократичные, добрые, с хорошими адаптационными способностями и др.»;

4) *антропологический*: «Сибиряки — это “винегрет народов”, особая смешанная общность, сложившаяся на основе русских, с вкраплениями казахских, татарских, украинских и многих других этнических черт»;

5) *этнокультурный*: «Сибиряки — это субэтническая группа русского народа». Кроме того, термин «сибирский» часто используется для обозначения других групп. Так, например, среди российского казачества выделяются сибирские казаки, среди русских старообрядцев — сибирские кержаки, среди татар — сибирские татары и т. д.

Среди ассоциаций, возникающих у современных респондентов при слове «Сибирь», по частоте упоминаний лидируют следующие: холод (51 % ответивших), снег (32 %), зима (31 %), медведи (30 %), обширная территория (27 %), Ермак (25 %), природные богатства (22 %), тайга (20 %), лес (18 %), ссылка (16 %), Родина (15 %). На основе объединения всех полученных ассоциаций по условно-тематическому признаку М. А. Жигуновой было получено пять основных блоков.

1. *Природно-климатические* (52 % от всех ответов): суровый климат, холод, зима, мороз, снег, сугробы, снеговик, метель, красивая природа, тайга, лес, сосна, кедр, ель, поле, степь, болото, тундра, крутая местность, реки, нефть, газ, соболь, медведь, ежик, снегири, комары, морошка, клюква, брусника и др.

2. *Личностно-психологические* (16 %): моя Родина, родной край, дом, моя жизнь, спокойствие, романтика, таинственность, вечность, свобода, выносливость, здоровье, веселая жизнь, доброта, тишина, сила, выносливость, крепость духа, твердый и стойкий характер, энергия, бодрость, друзья, любовь, хорошие добрые люди, высокие, здоровые бородатые мужчины, красивые женщины, румяные щеки, «что-то страшное, холодное, необъятное» и др.

3. *Географические* (12 %): обширная территория, часть Азии, часть России, регион Российской Федерации, «Сибирь — кусок страны. Кусок мира», глубинка,

окраина, отдалена от центра России, Западно-Сибирская низменность/равнина, Обь, Енисей, Иртыш, Омск, Томск, Новосибирск и др.

4. *Исторические* (10 %): покорение/освоение Сибири, Ермак, казаки, военные заводы, декабристы, ссылка, тюрьма, острог, лагеря, каторга, Московско-Сибирский тракт, Транссиб, А. В. Колчак, Ф. М. Достоевский и др.

5. *Этнокультурные* (10 %). Здесь представлены различные народы, населяющие территорию Сибири, и особенности их культуры (аборигены, русские, татары, казахи, чукчи, ханты, манси, селькупы, ненцы, крепкие традиции, язычество, шаман, чум, баня, меховая одежда, валенки, унты, варежки, ушанка, малахай, пельмени, водка, строганина, кедровые орехи, песни и др.) [6, 192].

Эти данные суммируют результаты преимущественно этносоциологических исследований идентификации сибиряков. Они позволяют предположить, что смысл понятия «сибирскость» обретается в процессе наррации. Нарративы о том, что собой представляет «сибирскость», показывают, каким образом «сибирское» проявляет себя в речи и каким ценностным содержанием оно наполняется, какие смыслы задействуются в конструировании понятия «сибирскость». Учитывая анализ данных материалов, в дальнейшем мы будем выделять инвариантное (повторяющееся в вариантах) число таких смысловых контекстов, ценностных блоков. Нарративы о Сибири и сибиряках дают возможность эксплицировать те нюансы значения понятия *сибиряки*, которые имеют отношение к одноименному образу, но могут не относиться к социологическим и этнологическим моделям сибирской идентичности.

Во-первых, это нарратив, связанный с *ценностью природы*, осознанием природно-климатических особенностей региона. Мысленное визуальное представление о Сибири, как правило, увязывается с элементами пейзажа и природы. На принцип природно-климатического детерминизма в определении и описании фенотипа, идентичности и характера сибиряков указывали еще сибирские областники (Н. М. Ядринцев, Г. Н. Потанин). В современной культуре важность природы для самоощущения сибирскости может выражаться, к примеру, в способах организации жизни, предпочитаемых вариантах проведения свободного времени на природе, в своем регионе, «родных красотах» [1, 27]. В нарративах природа определяет себя через упоминание природных объектов, мотивов «красоты» и «особенного духа», а климат — через выраженный мотив «становления через преодоление» [Там же]. По лингвистическим данным, в ядро ассоциаций о Сибири входят конкретные по значению единицы, легко вызывающие мысленный образ: *Сибирь — холодная, морозная, великая* [7, 399].

В то же время природно-климатические условия Сибири осознаются как неравномерные, что способствует созданию особого *топонимического* нарратива о продолжительной сибирской зиме, коротком лете, длительных морозах, продолжительной полярной ночи. С топонимическими представлениями связаны идеи о масштабе своей территории, возможности преодолеть пространство. Известно, что обширность Сибири при ее сложном рельефе, гидрографии, значительных лесных массивах создавала большие трудности в формировании путей сообщения и коммуникаций между людьми. Почти две трети территории Сибири (таежная

и притундровая зоны) были малопригодными для заселения, оставаясь сферой обитания малочисленного коренного населения и создавая ощущение «безлюдного пространства» и «гиблого места».

Дискурс о масштабности сибирской территории, как правило, сочетается с дискурсом о духе относительной свободы в Сибири (безграничные просторы воспринимаются в качестве символа реальной воли, независимости, возможности самим определять правила свободной жизни), номадизмом (готовностью людей решать свои экзистенциальные и материальные проблемы, перекочевав в новое, знакомое место) и в то же время мотивом оторванности от центра, нарративом закрытости сибирских городов и ощущением социально-экономического неравенства по сравнению со «столичными» центрами. По выражению М. Я. Рожанского, для сибиряков характерно «ощущение временности жизни “здесь”, куда тебя забросила судьба, вечно временный характер сибирской жизни, когда пространство воспринимается как не совсем родина, или родина не навсегда, поскольку настоящая жизнь “в России”, на “большой земле”, “в райцентре”, “в области”, “в городе» [10, 12]. Эти представления наиболее очевидно в последнее время проявляются в идее «москвоборчества», противостояния Сибири Москве как вместилищу центральных властей и привилегированному субъекту Российской Федерации¹.

Представляется, что при определении «сибирскости» важен также *переселенческий* нарратив, сопряженные с ним ценности семейно-родственных отношений и профессионально значимой деятельности в высказываниях жителей региона. В исторических исследованиях было показано, что сибирская идентичность формировалась преимущественно как идентичность переселенцев (крестьянская колонизация в конце XIX — начале XX в.; ссылка в Сибирь, депортация семей в 20–30-е гг. XX в., эвакуация или депортация по национальному признаку во время Великой Отечественной войны, распределение молодых специалистов в послевоенные годы); в ней ключевую роль играл переселенческий характер общества, предполагающий освоение и преобразование среды, навыки жизни в социально и этнически разнородном обществе, интенсивную мобильность населения. По словам М. Я. Рожанского, «само формирование современного населения Сибири — это уход от прошлого, бывший для конкретного человека или семьи побегом в будущее» [Там же, 6].

Если на сопредельной Сибири территории, Урале, формирование местной региональной идентичности было обусловлено развитием промышленности, существованием горных заводов, ценностью труда, постоянной необходимостью производить, то аграрный характер колонизации Сибири еще в имперский период привел к формированию здесь отличительных жизненных практик и ценностей, связанных именно с культурой переселенцев. По сообщению А. А. Анисимовой, О. Г. Ечевской, для большинства опрошенных ими информантов значительная давность переселения их предков в Сибирь, наличие нескольких поколений семьи, живших в Сибири, являются значимыми предпосылками их собственного

¹ У современной Москвы в современной России три ипостаси: федеральный центр (столица), успешный (привилегированный) регион и мировой город. В конкретном случае важно, о какой именно ее ипостаси идет речь [9, 185].

осознания себя сибиряками и фактором конструирования сибирской идентичности [1, 38]. Это дает основание данным авторам рассматривать сибирскую идентичность как «биографический проект».

Осознание ценности культурного *многообразия* Сибири ведет к появлению *этнокультурного нарратива*, связанного как с обращением к национальности своих родителей, так и с осмыслением различий в обрядах, одежде, ведении хозяйства, свойственных народам Сибири. Данные этносоциологических исследований свидетельствуют о том, что в семьях 70 % русских, проживающих в Сибири, имеются родственники других национальностей, чаще всего украинской, немецкой, татарской, казахской, белорусской, чувашской, польской, армянской, азербайджанской, башкирской [6]. Постоянное сибирское население формировалось на основе смешанных браков, включения различных этнических групп и культур коренного сибирского и некоренного населения. В сибирских городах и деревнях проживают совместно представители различных национальностей, существуют школы на разных языках, совместно отмечаются праздники. Такое смешение различных культур, помимо прочего, исторически придавало сибирскому обществу особый колорит демократизма и толерантности.

В зависимости от этнокультурных взаимодействий в сибирской идентичности выделяются и представления об отличиях внутри самого сибирского региона. К примеру, у русского населения Восточной Сибири (Забайкалья) под сильным воздействием китайской культуры появились особые культурные практики, не характерные для остальных жителей региона (церемонии чаепития, использование китайской мебели, выращивание китайских цветов и овощей, употребление китайского языка, восточный колорит в деревянном декоре городов Байкальской Сибири и т. п.) [13, 182]. В настоящее время восточные мотивы продолжают сохраняться в том числе и в архитектурном облике многих восточно-сибирских городов (в виде причудливых башенок, мечетей, львов на постаментах и т. п.).

В сибирской идентичности необходимо выделить также значимость *исторических* ценностей и нарративов, связанных с историческими деятелями, периодами региональной истории, событиями, памятными местами региона. В числе несущих конструктов, формирующих исторический образ Сибири, иркутский исследователь М. Я. Рожанский указывает следующее: пафос свершений — вместе с Русью за Урал пришло могущество; в Сибирь шли и попадали лучшие — самые отважные и стойкие; жизнь в Сибири формировала лучшие человеческие качества; сибирский человек приходил на выручку стране, когда нужны были стойкость, выдержка, решительность [10, 51]. В воображаемую историю Сибири и миф о «сибирском пространстве» органично включены также образы Ермака («русского Колумба Сибири»²) и его экспедиций к сибирским рекам, ссыльных декабристов и их жен, строительство Транссибирской магистрали. Активно эксплуатируется и миф о Чингисхане как центральной фигуре «евразийской мифологии», который помогает обосновать культурно-историческое единство

² Так Ермака представляют Алексей Иванов и Леонид Парфенов в документальном сериале «Хребет России».

народов Сибири и подчеркнуть роль Востока во взаимоотношениях с Западом. Эти ценностно-нагруженные конструкты оказываются своеобразной «памятью-архивом» (термин П. Нора) и продолжают воспроизводиться в современном общественном сознании.

Выражением исторической памяти сибиряков служат символические места — музеи, памятники, военные мемориалы, святыни и т. д., то, что французский историк Пьер Нора называет «местами памяти» [16, 7], как «внешние подпорки» нашему внутреннему опыту [Там же, 14]. «Места памяти» выступают «аккумулятором» как материальных (вещей-ценностей), так и нематериальных символических (образов, ценностей, мифов, символов). Так, в Иркутске основания художественной жизни и образования связываются с двумя семьями декабристов; в Кяхте подчеркивается, что она была единственным городом с самоуправлением и что уникальные богатства местного музея были якобы вывезены в Эрмитаж; в Олекминске родословная городской культуры ведется от скопцов, живших там на поселении [10, 11]. В Омске — повышенное внимание к историческим памятникам периода правления Колчака (Дворец генерал-губернатора, дом Батюшкина — резиденция верховного правителя) и т. п. Сохранение примет исторического своеобразия остается шансом компенсировать дефицит культурного капитала сибирского региона. Ведущим смыслом сибирских «мест памяти», как правило, оказывается мотив преодоления и свершения, преобразование нетронутых прогрессом просторов, но — в рамках национальной культуры и истории.

Историческая память в такой же степени коллективна, как и индивидуальна. Солидарное взаимодействие людей сопрягается с личными ожиданиями и переживаниями. Как указывает Морис Хальбвакс, «индивидуальная память для подтверждения, уточнения воспоминаний или даже заполнения пробелов в них полагается на коллективную память, перемещается внутрь нее, сливается на мгновение с коллективной памятью» [15, 51]. В этом отношении можно говорить о переплетении биографий и судеб сибиряков с жизнью региона, об их ценностном отношении к региональной культуре.

По данным социологических опросов, проведенных в сибирских городах, у подавляющего большинства современных сибирских горожан история их семьи связана с городом, где они живут, исключительно в советский период [10, 11]. В советском сибирском дискурсе постоянно звучит тема огромных ресурсов Сибири и ее мощного промышленного потенциала, определившего ее стратегическую роль в функциональной системе государства. При этом историческая память о советском периоде амбивалентна: она может быть триумфальной и травматической. Для старшего поколения сибиряков традиционное прошлое представляет собой нечто большее, чем просто события или историческую память: сейчас это способ переосмысления жизненного стиля, в некоторых случаях традиционное прошлое рассматривается как «панацея» от всех социальных недугов.

Отметим, что доминирование советского наследия в представлениях людей о прошлом региона не только результат взросления и воспитания в СССР (сейчас «ядро» населения старых сибирских городов составляют «коренные» горожане во втором-третьем поколении), но и симптом отсутствия прочной связи человека

с историей того места, в котором он живет. Ощущение неустроенности в данном месте может компенсироваться отдельными случаями причастности к «великой» истории и идеологии, что реализуется в самопрезентации региональной идентичности через имперские знаки советской эпохи. Особенно наглядно это видно не только в «ностальгических рассказах» о славном советском прошлом Сибири, но и в сохраняющейся в сибирских городах монументальной скульптуре, советской архитектуре, городской и сельской топонимии, где преобладают названия советского периода. Такое сходство историко-культурных процессов и общность исторического наследия, отражающиеся в менталитете современных жителей за Уралом, по всей видимости, и позволяют объединить их в общую надэтническую общность «сибиряки», сконструировать само это понятие.

Особое место в сибирской идентичности занимает и *ментально-психологический* нарратив — выделение черт сибирского характера как части национального характера на основе ценностей коллективизма, терпения, эмоциональной сдержанности, устойчивости, характеристика сибиряка как особого типа человека, обладающего физической выносливостью, здоровьем, особыми чертами характера. На уровне обыденного сознания, нашедшего отражение в пословицах, сибиряки выступают как особенные люди, а Сибирь — как особое пространство (например, «Сибиряк не тот, кто в Сибири родился, а тот, кто тепло одевается»; «Сибирь — матушка, а Урал — батюшка» и т. п.). Свои версии ментально-психологических качеств сибиряков выдвигаются и на уровне литературной рефлексии, рождающей миф о «сибирском характере» и «широкой сибирской душе» [12].

Представляется, что названные аспекты региональной самоидентификации в совокупности оказываются ценностными основаниями для «контекстуальной общности» сибиряков. Многие информанты отмечают, что, когда они находятся вне дома, им (по не всегда понятным причинам) проще общаться со «своими» [1, 68]. Актуализация самоидентификации «сибиряк» происходит чаще всего в контексте осознаваемой дифференциации между Европейской Россией и Зауральем, а также в ситуациях, связанных с путешествием за границу, переездом, встречей земляков (сибирские диаспоры в Москве и Санкт-Петербурге, сибирские землячества в армии), в ситуациях общения с не сибиряками. Кроме того, в настоящее время средства массовой информации предоставляют возможность помыслить себя в разных частях физического и социального пространства и создают условия для разнопланового сравнения своего региона с другими регионами (если не в опыте, то в воображении).

Отметим, что эти контексты представляют собой определенный «материал для сборки» сибирской идентичности и «работают» на ее конструирование только в том случае, если сами жители Сибири хотят использовать их в этом качестве. Степень близости-неблизости пространства определяется не стажем жизни в нем, а в большей степени тем, насколько человек готов воспринимать пространство, в котором он живет, как ценностно-размеченное, как «свое». В исследовании А. А. Анисимовой и О. Г. Ечевской было показано, к примеру, что давность пребывания предков в Сибири и укорененность обеих родительских семей, длительность собственного проживания в регионе зачастую не делают

для информантов сибирскую идентичность ценностно значимой [1, 39]. Кроме того, принадлежность к региональному сообществу сибиряков может отходить на второй план в тех случаях, где имеет место присутствие явно этнического/национального колорита в его традиционном понимании. Для многих принадлежность к сибирскому региональному сообществу может вовсе быть нерелексивной. К тому же, в условиях современной классовой разделенности, джентрификации общества, идея «сибирскости» может восприниматься частью населения как совершенно чуждая.

Другой аспект представленности ценностей в структуре региональной идентичности, на наш взгляд, связан с сознательным и целенаправленным выделением и подчеркиванием «сакральных» ценностей как новых региональных идентичностей. В регионе действующие субъекты политического и социально-экономического поля пытаются опираться на «натуральные» и «самоочевидные» ценности, а «сибирскость» выделяется через определенные символы. Так, в Иркутске сакральной ценностью становится Байкал, в Новосибирске — Академгородок, в Томске — Томский государственный университет, в Горно-Алтайске — принцесса Укок и т. п. Владение символическим капиталом означает выход городских и региональных субъектов на сцену со своим правом голоса и возможностью быть услышанными, вследствие чего целенаправленная разработка сакральных ценностей приводит к появлению региональных брендов.

Таким образом, ценности и нарративы регионального самосознания, связанные с отношением к родной земле, природному и культурному ландшафту, историческому прошлому своей семьи и региона, этнокультурному разнообразию края, ментально-психологическое единство территориального сообщества сибиряков, на наш взгляд, выступают в качестве оснований существования сибирской идентичности и способствуют ее конструированию, оформлению. Представляется, что, с одной стороны, выявление ценностных оснований сибирской идентичности позволяет рассматривать региональное сообщество сибиряков как целостную, культурно-самобытную региональную группу, с другой — ценности сибирской идентичности лежат в основе осознания личной ответственности за судьбу региона, решения общих проблем совместной жизни и обустройства региона.

1. Анисимова А. А., Ечевская О. Г. Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации. Новосибирск, 2012.

2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М., 1995.

3. Брубейкер Дж., Купер Ф. За пределами идентичности // *Ab imperio*. 2002. № 3. С. 61–115.

4. Демешкина Т. А. Славянский компонент в самоидентификации жителей Сибири // *Русин*. 2015. № 3(41). С. 90–107.

5. Дутчак Е. Е., Капустин В. В. «Русский сибиряк», или Парадоксы региональной идентификации // *Общественные науки и современность*. 2013. № 4. С. 116–129.

6. Жигунова М. А. Этносоциология русских Сибири: проблемы современной идентичности // *Этносоциальные процессы в Сибири : темат. сб. / РАН, Сиб. отд-ние, Ин-т философии и права. Новосибирск, 1998. С. 191–195.*

7. *Карабулатова И. С., Замалетдинов Р. Р., Федорова Е. А., Сайфулина Е. С.* Лингвомифологическое пространство топонима «Сибирь» в современном языковом сознании // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 6(43). С. 396–401.
8. Конструктивизм в теории познания / РАН, Ин-т философии / отв. ред В. А. Лекторский. М., 2008.
9. *Назукина М. В., Подвицнев О. Б.* Идеологические и политико-психологические основы москворочества в российских регионах // Политический альманах Прикамья / под ред. Л. А. Фадеевой. Пермь, 2006. Вып. 6. С. 184–196.
10. *Рожанский М. Я.* Сибирь как пространство памяти. Иркутск, 2013.
11. *Сверкунова Н. В.* Региональная сибирская идентичность: опыт социологического исследования. СПб., 2002.
12. Сибирь — это такая отдельная территория [Электронный ресурс]. URL: <http://zapovednik.space/material/sybyr-eto-takaja-otdelnaya-territoriya> (дата обращения: 26.06.2016).
13. *Шахеров В. П.* Роль азиатского компонента в формировании сибирской самобытности // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. «История». 2012. № 2(3), ч. 1. С. 180–184.
14. *Gergen K. J.* Realities and Relationships: Soundings in Social Constructionism Cambridge, Harvard University Press, 1994.
15. *Halbwachs M.* The Collective Memory. N. Y., 1980.
16. *Nora P.* Between memory and history: Les Lieux de Memoire // Representations. 1989. Vol. 26. P. 7–24.

Рукопись поступила в редакцию 25 августа 2016 г.